

ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ НОРМОГЕНЕЗА В БИОЭТИКЕ*

А.Б. Сандакова

Новосибирский государственный
технический университет

l.sandakova@mail.ru

В статье на основе анализа концепций нормогенеза предлагается разработка оснований интегративного подхода к вопросу о природе нормативности. Возможность такого подхода усматривается в обращении к антропологическому смыслу нормогенеза. Человек, как особый род сущего, в качестве основания своего бытия конституировал динамическое равновесие индивидуально-коллективной жизнедеятельности в пределах определенной социокультурной модели развития. Многообразие форм и характеристик феномена нормативности может быть объяснено посредством сведения к относительно устойчивому единству онтологических оснований: субстанциального, культурно-исторического, дискурсивного. Полученная теоретическая модель позволяет установить связь различных концепций нормогенеза и получить эвристически и прогностически значимое представление о становлении норм.

Ключевые слова: нормогенез, нормативность, онтологические основания, человек, норма в биоэтике.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.1-88-98

Нормативность является существенной характеристикой жизнедеятельности человека и общества. Вопросы о сущности нормативности, о возникновении и трансформации норм, о разнообразии форм их воплощения и функционирования представляют интерес в условиях, когда характер и динамика социокультурных процессов обуславливают высокую степень неопределенности в пространстве социально значимых решений. Чем выше способность человека к преобразованию окружающей действительности и себя самого, тем важнее для него оказываются проблемы самоопределения и установления меры для своей деятельности. В этом аспекте наиболее значимой сегодня оказывается проблема нормогенеза. В области регуляции биомедицин-

ских исследований и внедрения биотехнологий вопросы нормогенеза и критериев нормативных решений имеют особую значимость, поскольку речь идет о манипулировании с границами человеческого в человеке. Новые технологии предлагают такие формы поведения, прямые и косвенные последствия которых, учитывая многоуровневый характер человеческого бытия, мы не способны адекватно оценить. Являясь полем дискурса различных нормализующих практик, биоэтика принципиально не может быть сведена ни к одному из них, тем более к формальному регулированию, простому юридическому закреплению институциональных ее компонентов [9–11]. Так, Т.А. Сидорова, рассматривая нормативный статус биоэтики, справедливо от-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00173 «Философско-методологический анализ нормативных оснований биоэтики».

мечает: «Сводя регулирование к формулировке правовой нормы, можно достигнуть временного консенсуса, но не исчерпать моральный скепсис, вопросительность, которая воспроизводится в биоэтических казусах» [11, с. 72]. Биоэтика, с одной стороны, открытое дискурсивное пространство, с другой – имеет нормативные цели. Как они могут быть реализованы в «общении без обобщения» [12]? Каким образом во взаимодействии различных этических принципов, эпистемологических стандартов и практических задач осуществляется процесс нормогенеза?

В данной статье на основе анализа концепций нормогенеза осуществляется экспликация онтологических оснований нормативности. Нормативность при этом рассматривается как сложный антропологический феномен, многообразие форм и характеристик которого может быть объяснено посредством сведения к относительно устойчивому единству онтологических оснований. Полученная онтологическая модель должна позволить не только установить связь различных концепций нормогенеза, но и получить эвристически и прогностически значимое представление о становлении норм, в том числе и в биоэтике. Проверка эвристического и прогностического потенциала предложенной модели в биоэтике может стать задачей дальнейших исследований. Методологическими основаниями данной работы являются: диалектика как метод; представление о многоуровневости и процессуальности основания феномена, разработанное в учении Г.В.Ф. Гегеля; концепция человека как многоуровневой самоорганизующейся, стохастической биосоциодуховной системы.

Нормы представлены в индивидуальном и общественном сознании прежде все-

го как регуляторы социальной жизнедеятельности. С этим связаны основные подходы к проблеме происхождения и становления нормативности. Стремление понять нормы как объективную систему регуляции, не связанную с произвольным самоопределением индивида, можно обнаружить в детерминистских (по типу научных или религиозных), структуралистских, функционалистских подходах. Тенденция к субъективизму в трактовке нормогенеза реализуется в феноменологической социологии, этнометодологии, социальном конструктивизме. В диалектическом подходе и социальной теории П. Бурдьё выявляется стремление к интеграции объективистских и субъективистских тенденций в трактовке происхождения и становления нормативности. Интересная трактовка двойственной природы нормативности представлена в исследованиях А.А. Шевченко [14].

Детерминистский подход рассматривает нормы как разновидность всеобщей детерминации, реализованной в социальном мире. В таком подходе подчеркивается объективный смысл и безусловность норм, которые постигаются человеком, а не создаются им. Философская, научная или религиозная реализация такого подхода вполне отвечают духу классической рациональности и потребности располагать «правильными», общезначимыми ответами на вопросы о мире и о себе. Правда, наука не ставит своей специальной задачей выработку и обоснование норм, но все же не является нормативно нейтральной, поскольку создает представления о нормальном. Законы и даже факты в научной теории носят дескриптивно-прескриптивный характер. В отношении моральных норм в данном контексте справедливым будет замечание Ю.А. Шрейдера: «Различные этические си-

стемы создавались именно для того, чтобы постичь, в чем состоит абсолютное или моральное благо, которое безусловно заслуживало бы, чтобы его предпочесть любым ощутимым ценностям» [16, с. 41]. Поскольку норма является регулятором активности человека, ее основная задача – удержание в пространстве многовариантных человеческих действий и ориентиров некоего объективного содержания или сверхценности, т. е. того, что придает деятельности смысл. И эта задача сохраняет свою актуальность не только в традиционных, но и в нетрадиционных обществах, что следует учитывать в построении концепции нормогенеза в биоэтике.

Однако остается открытым вопрос об истинности имеющихся у нас представлений/знаний о норме. И здесь не имеет значения, идет ли речь о естественной детерминации или о божественном предписании, поскольку есть конкуренция идей (моральных в том числе) и различные интерпретации нормального/ненормального. Еще один сложный момент в данном подходе – противоречие должного и сущего: если нормальное трактуется как то, что должно быть, то откуда и зачем появляется то, чего быть не должно, и как из существующего вывести правильное представление о должном? В отношении вычленения моральных норм данная проблема очевидным образом была сформулирована Д. Юмом. Последствием подобных теоретических затруднений зачастую оказывается агностицизм и нормативный нигилизм. В сравнительном анализе мировоззренческих предпосылок нормативности в западной и восточной культуре Алан В. Уотс прекрасно демонстрирует, почему понимание принципиальной невозможности достичь идеалов нормативности порождает нигилизм [13].

В структурализме и функционализме общество рассматривается как упорядоченная целостность, ради стабильности функционирования которой создаются различные формы нормативности. Подчеркивается идея императивности и коллективной значимости норм. Поскольку каждый индивид в социальной системе является одновременно субъектом и объектом, важнейшее средство сохранения целостности системы – социализация индивидов и контроль девиаций. Проблематичным в данной концепции является вопрос о развитии и изменении социальной системы в целом и нормативной системы в частности. Характерно, что в XX веке новую актуальность приобрели идеи Т. Гоббса и К. Маркса о социальном конфликте как движущей силе социальных изменений. В теории социальных конфликтов (Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боудинг, Г. Зиммель) отклонения от нормы (конфликты, в том числе деструктивные, девиации и т. п.) рассматриваются как средства, способствующие появлению новых социальных норм; как своего рода адаптация, часто болезненная, социального организма к изменившимся внешним условиям и внутренним трансформациям.

Социальная значимость и регулятивная функция норм не вызывают сомнения, что необходимо учитывать в концепции формирования норм. Но при этом неизбежно возникает вопрос: какого рода нормативные представления будут складываться в результате конфликта разных групповых и индивидуальных интересов, а значит, и мировоззренческих установок? Какие факторы и механизмы определяют процесс нормогенеза, и можно ли управлять таким процессом? Ответы на эти вопросы требуют обращения к концепциям, объясняющим

социальное взаимодействие: как дискурсивное (М. Фуко, Ю. Хабермас), как психологическое (А. Петражицкий, М. Бобнева, Э. Голднер и др.), как диалог (М. Бубер, М. Бахтин, В. Библиер). Исследования такого рода обнаруживают, что в построении концепции нормогенеза следует учитывать не только объективные факторы различного уровня (психосоциальные, культурные, в том числе эпистемологические и знаково-символические), но и субъективные, обуславливающие стратегии, тактики и предпочтения индивидуального взаимодействия и придающие этому взаимодействию случайный, неопределимый заранее характер.

В феноменологической социологии, в социальном конструктивизме, в этнометодологии при объяснении природы нормативности акцент переносится на индивидов, нуждающихся в согласовании и упорядочивании своих и чужих действий. Объективные смыслы и нормы складываются в интерсубъективном пространстве взаимодействия. Идеалы, ценности, цели, правила и пр. – не столько отражение материальных условий жизни, сколько воображение, изобретательство, творчество, выступающее предпосылкой изменения действительности. Объективация субъективных процессов и значений осуществляется в процессе языкового обозначения. В знаке субъективная реальность выражена наиболее явно. Язык, таким образом, укоренен в повседневной реальности, там формируется, но, отделяясь от нее, уже сам начинает ее формировать. Социальная реальность, по сути, конструируется ее участниками. И нормогенез здесь является спонтанно складывающимся процессом установления границ какой-либо деятельности. В последующем за соблюдением этих границ устанавливается

институциональный контроль, а обоснование самих норм становится «знанием», которое может быть выражено в дотеоретической и теоретической формах. Дотеоретическое знание и язык формируют неотрафлексированные установки, мотивы и стереотипы восприятия, воспроизводящие данный тип повседневности, интерсубъективной реальности. Эксперименты Г. Гарфинкеля и данные гештальт-психологии (опыт М. Шерифа) эмпирически подтверждают склонность людей в ситуациях неопределенности принимать решения/оценки, сходные с коллективными.

Исследовательская позиция, отталкивающаяся от субъективных интересов и ценностей в трактовке нормогенеза, не только не отрицает социокультурной значимости нормативности, но также приходит к идее формирования объективных механизмов закрепления и воспроизведения норм в рамках некоторой относительно устойчивой социокультурной реальности.

Однако остается неясным, чем же мотивированы индивиды в своей творческой, изобретательской деятельности. Как и почему интерсубъективная реальность с системой согласованных уже норм периодически пересматривается, откуда возникает «прерывание рутинного хода вещей» [2]? Как взаимодействуют сосуществующие разные типы повседневности? Эти вопросы актуальны в полипарадигмальном мире современного знания и поликультурном пространстве принятия решений.

Поскольку объективное и субъективное, коллективное и индивидуальное, репродуктивное и творческое взаимно обуславливают друг друга в социальной реальности, формируются подходы, которые позволяют объяснять процесс становления норм как подобный, внутренне противоре-

чивый процесс. Например, в диалектическом подходе учитываются оба механизма формирования различных норм в обществе, которые рассматриваются как противоречивое единство индивидуального и коллективного. Для того чтобы правовые и моральные нормы стали регуляторами поведения людей, отмечает Е.М. Пеньков, необходимо «...чтобы они были восприняты индивидами, стали внутренними стимулами их поведения» [6, с. 59]. В.Д. Плахов, опираясь на общую теорию систем и теорию информации, рассматривает социальную норму одновременно как обладающую системно-функциональной природой и субъективно присвоенной организацией. Нормативное бытие процессуально, внутренне противоречиво и объясняется как объективными, так и субъективными механизмами социального бытия. В рассмотрении функциональной природы социальных норм подчеркивается как социальная их значимость, так и индивидуальная; изучается как институционализация, так и феноменология социальной нормы [7].

Интересная концепция синтеза конструктивизма и структурализма представлена в социальной теории П. Бурдьё: «С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире... существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю *габитусом*, а с другой стороны, — социальных структур и, в частности, того, что я называю *полями*» [4, с. 181–182]. Не отрицая объективного характера социального мира, Бурдьё стремится

объяснить его одновременно и как продукт действия социальных акторов. Так, понятие «габитус» призвано обозначить субъективированное усвоение объективных структур социального мира. Будучи неосознаваемыми, габитуальные установки позволяют человеку реализовывать различные социальные стратегии приемлемым для социума образом. Стоит подчеркнуть, что в качестве движущей силы человеческой активности в социальном пространстве П. Бурдьё рассматривает потребность в признании, которое трактуется им как реализация экзистенциальной потребности в смысле [5]. Скорее всего, экзистенциальная потребность в смысле может быть реализована не только в социальном признании, но уже само обращение к экзистенциальному уровню человеческого бытия в рассмотрении социальных процессов и явлений представляется не случайным, правомерным и весьма продуктивным шагом.

Интегративное понимание природы социальной нормативности обнаруживается также в исследованиях в духе аналитической философии. А.А. Шевченко, анализируя «противостояние конструктивизма и морального реализма», предлагает рассматривать социальную нормативность как «феномен, предполагающий одновременно и конструирование социальных норм и институтов, и необходимость обнаружения их подлинного значения и смысла» [14, с. 61]. Примечательно, что и здесь мы находим обращение к особой природе человека: подчеркивается «способность осознанного нормативного отношения к миру» как одной из «важнейших отличительных способностей человека» [14, с. 64].

Анализ тенденций изучения и концептуальной разработки нормогенеза обнаруживает тот факт, что нормативность как та-

ковая не обеспечивается лишь на общем или единичном уровне. Норма, соответственно, призвана согласовывать интересы общества как целого и индивидов во всем многообразии их проявлений. И если объективистские концепции нормогенеза источник нормативности усматривают в интересах общего, то индивидуалистские – в случайно складывающихся тенденциях единичных интересов и отношений. Противоречие носит действительно диалектический характер, если индивид понимается как часть целого, а общее понимается как складывающееся эмерджентное единство индивидуальностей. Такое понимание релевантно антропологическому дискурсу, рассматривающему человека как особый род сущего, конституировавшего в качестве оснований своего биосоциального существования неустойчивость индивидуально-коллективной жизнедеятельности в пределах исторически определенной социокультурной направленности развития (М.С. Каган, В.И. Плотноков, Т.О. Бажутина). Человек в своем онтологическом статусе – открытая, динамичная, многоуровневая система, которая за счет специфического способа структурирования биологического и социального способна выходить за рамки детерминации того и другого [15] и создавать идеальную реальность (мир смыслов, концепций, идей), способна полагать самое себя через диалог с Другим [3]. Изменения в этой системе доминируют над статикой, что требует специальных усилий со стороны человека по самоопределению, упорядочиванию и структурированию своего бытия в мире. Нормативность обнаруживает себя как один из результатов такой деятельности. П. Бергер и Т. Лукман, например, по этому поводу отмечают: «Внутренняя нестабильность человеческого существо-

вания вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Человек должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими. Эти биологические факты выступают в качестве необходимых предпосылок создания социального порядка» [2]. Обращение к экзистенциальным аспектам человеческого бытия в их парадоксальной связи с абсолютистской трактовкой ценностей представляется принципиально значимым для понимания нормогенеза. Экзистенциальное обнаружение себя как субъекта одновременно «в мире» и «вне мира» рождает подлинно человеческий опыт соотношения существующего, должного и возможного. Этот опыт всегда связан с существующим (и в этом отношении обусловлен), но по определению выходит за его границы, т. е. ставит человека в ситуацию свободного самоопределения, где человек нуждается в ценностных ориентирах, придающих смысл такому самоопределению.

Таким образом, мы обнаруживаем, что попытка понять объективные и субъективные механизмы процессов нормогенеза, необходимые и случайные факторы становления норм требует обращения к антропологическому их содержанию. Видимо, только в человеке, объединяющем в себе уникальным образом различные типы реальности (природная, социальная, духовная) и способном к трансценденции (выходу за границы любой из этих реальностей), может быть обнаружена та движущая сила, которая заставляет меняться уже отлаженный механизм социокультурного воспроизводства.

Отталкиваясь от вышеозначенного представления о человеке, предельным основанием нормогенеза можно полагать противоречивую природу человека как

особого рода сущего, где в противоречивом диалектическом единстве обнаруживаются биологическое и социальное, индивидуальное и коллективное, хаотичное и упорядоченное, действительное и возможное. При этом реализуется процесс всегда в некоторых определенных культурно-исторических условиях, что задает границы вариативности возможных способов разрешения противоречий. Культурно-историческая эпоха есть одновременно действительность, наличный порядок и процесс, в котором этот порядок и действительность уже претерпевают изменения. Взаимодействие различных «жизненных миров» и дискурсивных практик обуславливают эти изменения. И хотя многообразие дискурсивных практик ограничивается культурно-историческим основанием, вариации складывающихся конкретных нормативных представлений (идеалы, правила, предписания, принципы и пр.) велики. Дискурс как поле взаимодействия смыслообразующих практик рассматривается как обуславливающее основание нормогенеза.

Таким образом, в предлагаемой модели нормогенеза феномен нормативности онтологически задается на трех уровнях: субстанциональном (возможность нормативности как таковой), культурно-историческом (определяет содержание и возможные практики нормогенеза), дискурсивном (обуславливает становление конкретных нормативных представлений).

Субстанциональное основание задает саму возможность и необходимость нормативности. Бытие человека может быть понято как процесс, осуществляющийся через систему сложных и разнонаправленных взаимодействий с окружающим миром. В субстанциональном пределе материи человечности составляет единство биологического и со-

циального в его предметном (материальная культура) и не предметном (социальные связи) выражении. А формой будет являться их специфическая структурная связь, которая является подвижной, неустойчивой и разнонаправленной. Единство материи и формы образуют уникальную субстанциональную природу человека, потенциально задающую широкий спектр возможностей бытия человека (вплоть до возможности не быть человеком). На феноменальном уровне эта природа, обнаруженная в разных проекциях, обуславливает противоположные характеристики человеческого бытия: закономерность и случайность, континуальность и дискретность, универсальность и уникальность. Противоречивость и неопределенность человеческой природы делает возможным и даже требует самоопределения, прежде всего ценностного и нормативного. Эта идея отчетливо прослеживается в концепции нормогенеза в конструктивизме, обнаруживает себя в обращении к экзистенциальным потребностям как движущей силе человеческой активности в социальном пространстве у П. Бурдьё. В структурализме и диалектическом материализме субстанциональное основание получает свою разработку в понятийных дихотомиях «коллективное – индивидуальное», «общество – индивид», «объективное – субъективное», «система – элемент» и др.

Процесс нормогенеза в биоэтике – это постоянная отсылка к противоречивой человеческой природе, требующей самоопределения и переопределения. Поиск себя в пространстве существующего, должного и возможного не может быть ограничен нормативностью лишь одного типа: «так есть», «так должно быть», «так возможно». Поэтому однозначная формализация

биоэтических норм (правовая, медицинская) ведет к дегуманизации [10, 11].

Культурно-историческое основание есть основание уже не абстрактного, но определенного содержания нормативности. Так как биологическое и социальное, индивидуальное и коллективное измерение человека исторически меняются, для человека значимыми являются способы фиксации этих изменений во времени и пространстве – языки культуры [1]. В исторически определенной культуре задаются общезначимые антропологические ориентиры, посредством которых человек конституирует сам себя, знаковые формы нормативности, типы дискурсов, в том числе властных. При этом культура не только допускает, но и инициирует вариативность поведения при усвоении и освоении нормы. Любая человеческая культура несет в себе модель мира, созданную данной этнокультурной общностью людей, воплощенную в мифах, религии, обрядах, ритуалах, закреплённую в языке, материализованную в предметах, сооружениях, технических средствах. Психологи и философы, говоря об освоении модели мира на довербальном уровне в раннем детстве, усматривают в этом процессе формирование «базовых координат» (М.В. Осорина), «бессознательных основ духа» (В. Франк), «социального характера» (Э. Фромм), словом, ядерного уровня мировоззрения. Довербальный образ мира, как обнаруживается в исследованиях генезиса культуры и творчества, являясь субъективным отражением пространства культуры на бессознательном уровне, требует для своего осознания «дешифровки» посредством референциальной, эмпирической и категориальной интерпретации» [1, с. 248]. Это обуславливает многомерное восприятие мира и инициирует неоднозначность

и нелинейность взаимодействия субъективного и социокультурного восприятия действительности. Культура, таким образом, с одной стороны, придает определенное содержание процессу нормогенеза, поскольку осуществляется этот процесс субъектами, действующими в рамках некоторого образа мира. С другой стороны, культура, воспроизводя человеческую способность к самополаганию, обеспечивает возможность разных интерпретаций «базовых координат» и различной реализации процесса нормогенеза.

Идею связи нормативности и специфики культуры можно обнаружить во всех концепциях нормогенеза, за исключением, пожалуй, религиозных, научных и панэтических, поскольку последние стремятся обнаружить единые, универсальные основания норм. Думается, что данная трудность может быть преодолена в предлагаемой модели нормогенеза, поскольку она опирается на представление о человеке как способном к трансцендированию, нуждающемся в объективно значимых смыслах и сверхценностях. Сама культура, в том числе религиозные, философские и научные представления, – это продукт таких человеческих устремлений. Формирование биоэтического дискурса как потребности в осмыслении и нормативной проработке технических новаций – тоже следствие таких устремлений и трансформаций в самой культуре. Обнаружение культурно-исторических истоков биоэтики, ее национальных особенностей, рассмотрение биоэтики как «культурного комплекса» [10] – важная и перспективная составляющая теоретических изысканий в области биоэтики. С культурологических позиций проблемы биоэтики рассматривают D. Swazey, M. Nussbaum, A. Kleinman, A. Jonsen (культу-

турная обусловленность решений, принимаемых в медицине). В отечественных исследованиях Б. Юдин, И. Силуянова, Н. Сергеева обращаются к теории культуры как методологии биоэтики.

Очевидно, что и процессы нормализации в биоэтике (механизмы и маркеры) также культурно обусловлены (см., например, анализ дискуссии по проблеме суррогатного материнства в России [11]). В поликультурном социуме особо значимым в процессе нормализации оказывается дискурс.

Дискурсивное основание становления феномена нормативности есть взаимодействие акторов дискурса. В сфере непосредственных и опосредованных взаимодействий в рамках определенного дискурсивного поля происходит образование и переосмысление индивидуальных, групповых, коллективных и общечеловеческих смыслов различных форм нормативности. На пересечении хронотопов индивидуального и коллективного, смыслообразующей деятельности акторов дискурса формируется способность на основе выбора синтезировать индивидуальное и коллективное, репродуктивное и творческое, субъективное и объективное в различных формах бытия нормы. Дискурс во многом ситуативен, но осуществляется в русле определенных культурно-исторических оснований. Кроме того, он инициирует потребность нового самоопределения [8].

Нормогенез, понятый как становящееся в дискурсе человеческое самоопределение своего противоречивого бытия в мире, стремящееся, с одной стороны, к выходу за пределы наличного бытия, с другой – к сохранению собственной идентичности, в том числе культурной, позволяет видеть этот процесс в различных и даже противоположных проекциях. Нормогенез мо-

жет быть рассмотрен как детерминированный, причем на разных уровнях (потребность, культура, власть, язык), так и случайный (синергетический эффект взаимодействия); как непрерывный в своих изменениях (постоянная интерпретация норм теми, кто апеллирует к ней), так и дискретный, через прерывание постепенности в кризисные моменты. Если рассматривать биоэтику как особый дискурс, сохраняющий и воспроизводящий «противоречивую человеческую природу в условиях современной технологизированной культуры» [8, с. 144], то формирование и обсуждение нормативных представлений – принципиально незавершенный процесс, составляющий содержание этого дискурса. Вопрос о нормативности актуализируется каждый раз, когда расширяются возможности и проблематизируются пределы человечности.

Литература

1. Бажутина Т.О. Формирование культуры и творчества в антропосоциогенезе: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – Новосибирск, 1995. – 325 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Меднум, 1995. – 323 с.
3. Бубер М. Я и Ты // Квинтэссенция: философский альманах / под ред. В.И. Мудрагея. – М.: Политиздат, 1992. – С. 294–370.
4. Бурдье П. Начала [Электронный ресурс] / пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 287 с. – URL: <http://www.razym.ru/naukaobraz/istoriya/186422-burde-p-nachala.html> (дата обращения: 27.11.2015).
5. Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. – М.: Логос, 2010. – 410 с.
6. Пеньков Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности: некоторые вопросы методологии и теории. – М.: Мысль, 1972. – 198 с.

7. Плахов В.А. Социальные нормы: философские основания общей теории. – М.: Мысль, 1985. – 254 с.
8. Сандакова Л.Б. О смыслах биоэтического дискурса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – 2014. – № 10 (48), ч. 1. – С. 144–150.
9. Седова Н.Н. Правовой статус биоэтики в современной России [Электронный ресурс] // Медицинское право. – 2005. – № 1. – С. 11–15. – URL: <http://rudoctor.net/medicine2009/bz-zw/med-gmsau.htm> (дата обращения: 30.11.2015).
10. Сергеева Н.В. Биоэтика как культурный комплекс [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. – Волгоград, 2010. – URL: http://otherreferats.allbest.ru/culture/00130632_0.html (дата обращения: 27.11.2015).
11. Сидорова Т.А. Нормативный статус биоэтики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – Т. 12, вып. 3. – С. 69–75.
12. Тищенко П.А., Кищенко А.П. Как возможно общение без обобщения (междисциплинарный подход в биоэтике) // Философия биомедицинских исследований: этос науки начала третьего тысячелетия. – М.: Институт человека РАН, 2004. – С. 48–70.
13. Уотс А.В. Путь дзен / пер. с англ. Ю. Михайлин. – Киев: София, 1993. – 320 с.
14. Шевченко А.А. О социальной нормативности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2011. – Т. 9, вып. 3. – С. 61–66.
15. Шелер М. Положение человека в космосе / пер. А. Филиппова // Проблемы человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31–96.
16. Шрейдер Ю.А. Этика: введение в предмет. – М.: Текст, 1998. – 271 с.

THE FOUNDATIONS FOR THE INTEGRATIVE APPROACH TO THE ISSUE OF NORMOGENESIS IN BIOETHICS

L.B. Sandakova

Novosibirsk State Technical University

l.sandakova@mail.ru

On the basis of analysis of the normogenesis concepts the author proposes the formulation of the foundations for the integrative approach to the issue of the nature of normativity. The possibility of such approach is viewed in the reference to the anthropological sense of normogenesis. A human as a special kind of being, as the basis of his being constituted the dynamic equilibrium of the individual-collective ability to live within a certain socio-cultural model of evolution. A variety of shapes and characteristics of the normativity phenomenon can be explained by means of bringing together to the relatively stable unity of the ontological foundations: substantial, cultural and historical, and discursive. The resulting theoretical model allows to link different concepts of normogenesis and obtain heuristically and prognostically a significant idea of the establishment of norms.

Keywords: normogenesis, normalization, ontological foundation, human being, norm in bioethics.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.1-88-98

References

1. Bazhutina T.O. *Formirovanie kul'tury i tvorchestva v antroposotsiogeneze*. Diss. dokt. filos. nauk [Formation of culture and creativity in antroposotsiogeneze. Dr. philos. sci. diss.]. Novosibirsk, 1995. 325 p.
2. Berger P.L., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of Knowledge*. Garden City, New York, Doubleday, 1966. 203 p. (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Translated from English. Moscow, Medium Publ, 1995. 323 p. (In Russian)
3. Buber M. Ya i Ty [I and You]. *Kvintessentsiya: filosofskii al'manakh* [Quintessence. Philosophical almanac]. Moscow, Politizdat Publ., 1992, pp. 294–370. (In Russian)
4. Bourdieu P. *Choses dites*. Paris, Minuit, 1987. 229 p. (Russ. ed.: Burd'e P. *Nachala*. Translated from French. Moscow, Socio-Logos, 1994. 287 p.). Available at: <http://www.razym.ru/naukaobraz/istoriya/186422-burde-p-nachala.html> (accessed 27.11.2015).
5. Zdravomyslov A.G. *Pole sotsiologii v sovremenom mire* [The field of sociology in the modern world]. Moscow, Logos Publ., 2010. 410 p.
6. Pen'kov E.M. *Sotsial'nye normy – regulatory povedeniya lichnosti. Nekotorye voprosy metodologii i teorii* [Social norms – controls the behavior of the individual. Some questions of methodology and theory]. Moscow, Mysl' Publ, 1972. 198 p.
7. Plakhov V.D. *Sotsial'nye normy: filosofskie osnovaniya obshchey teorii* [Social norms: the philosophical foundations of the general theory]. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 254 p.
8. Sandakova L.B. O smyslakh bioeticheskogo diskursa [On meanings of bio-ethical discourse]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2014, no. 10 (48), pt. 1, pp. 144–150.
9. Sedova N.N. Pravovoi status bioetiki v sovremennoi Rossii [The legal status of bioethics in modern Russia]. *Meditsinskoe pravo – Medical Law*, 2005, no. 1, pp. 11–15. (In Russian) Available at: <http://rudocor.net/medicine2009/bz-zw/med-gmsau.htm> (accessed 30.11.2015)
10. Sergeeva N.V. *Bioetika kak kul'turnyi kompleks*. Avtoref. diss. Dokt. filos. nauk [Bioethics as a cultural complex. Author's abstract of Dr. philos. sci. diss.]. Volgograd, 2010. Available at: http://otherreferats.allbest.ru/culture/00130632_0.html (accessed 30.11.2015)
11. Sidorova T.A. Normativnyi status bioetiki [The normative status of bioethics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, iss. 3, pp. 69–75.
12. Tishchenko P.D., Kiyashchenko L.P. Kak vozmozhno obshchenie bez obobshcheniya (mezhdistsiplinarnyi podkhod v bioetike) [How can communication without generalization (interdisciplinary approach to bioethics)]. *Filosofiya biomeditsinskikh issledovaniy: Etos nauki nachala tret'ego tysyacheletiya* [Philosophy of biomedical research: The ethos of science beginning of the third millennium]. Moscow, Institut cheloveka RAS Publ., 2004, pp. 48–70.
13. Watts A.W. *The way of zen*. New York, Pantheon, 1957. 236 p. (Russ. ed.: Uots A.V. *Put' dzen*. Translated from English. Kiev, Sofiya Publ., 1993. 320 p.).
14. Shevchenko A.A. O sotsial'noi normativnosti [On social normativity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2011, vol. 9, iss. 3, pp. 61–66.
15. Sheler M. Polozhenie cheloveka v kosmose [The position of man in space]. *Problemy cheloveka v zapadnoy filosofii* [The problems of man in Western philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 31–96. (In Russian)
16. Shreider Yu.A. *Etika: vvedenie v predmet* [Ethics: an introduction to the subject]. Moscow, Tekst Publ., 1998. 271 p.